

Наталья МАКАРОВА

Она предсказала мою судьбу

“Н ам не дано предугадать, как слово наше отзовется...” “Слово” Веры Михайловны Красовской отозвалось в моей жизни и отзывается по сей день, как никакое иное. Когда я была еще молода, протанцевав на сцене только шесть сезонов, и казалось, что у меня в запасе — вся творческая жизнь, она уже предупредила меня в своей статье: надо торопиться, время летит. Слова Красовской предвосхитили мое собственное отчаянное чувство, как быстро же оно летит и как мало еще сделано в моей профессии, примерно лет на пять!.. Только потом я осознала, что ее неожиданно раздавшееся “Торопись!” и вело меня подспудно к главному событию моей жизни — к Лондону 1970-го, когда я приняла решение не возвращаться с гастролей в Ленинград, остаться за границей, чтобы успеть максимально творчески реализоваться. Сколько негодования вылилось на меня на родине, сколько писем, организованных усилиями КГБ и призывавших опомниться, одуматься, вернуться, пришло в русское посольство в Лондоне от моих знакомых и друзей. Но были те, кто ничего не написал. И среди них — Вера Михайловна, чье молчание в ту пору я расценила как мысленные слова поддержки.

Эта просвещенная женщина, занимавшая первые позиции в исследовании балета, была для меня больше, чем другом. В ее лице я встретила провидицу, предсказавшую мою судьбу. И не только судьбу. Выбор моего пути в искусстве. Всю мою карьеру.

До сих пор не могу понять, как ей удалось увидеть во мне уже на выпускном спектакле что-то серьезное — а она написала: “родилась балерина” — в то время, когда я еще и на ногах-то крепко не стояла. До сих пор гадаю, откуда она могла знать, видя мои трудности с партией Джульетты в балете Леонида Лавровского, что мне нужна Джульетта с другой пластикой — “острее, резче, танцевальнее...”, как она писала — хотя с такой Джульеттой в постановке Игоря Чернышева меня еще разделяли целые годы. До сих пор задаюсь вопросом, почему вдруг ей пришла фантазия, будто моя “Кривляка” — а так звалась в “Золушке” Сергея одна из двух сестер — вполне могла бы отправиться куда-то за рубеж, кататься там на яхте, потягивать коктейль в баре аэропорта... Тогда я только посмеялась над тем, как далеко завело Веру Михайловну ее воображение. Разве кто-то в те коммунистические времена мог хотя бы помыслить, пусть даже в сценическом образе, о жизни за границей?! Но прошло несколько лет, и что же? — не “Кривляка”, а я сама живу на Западе, летаю на спектакли из Америки в Европу и, застигнув подчас ожиданием в барах аэропортов, вспоминаю вещие слова Красовской...

Когда я только вступила в труппу Кировского театра, мне и в голову не могло прийти, что Красовская скоро заметит меня и будет отслеживать все мои работы. Конечно, было лестно внимание такого знатока, как Вера Михайловна. Она сама была из нашего племени — училась в том же хореографическом училище в классе А.Я.Вагановой, потом танцевала на сцене Кировского театра — и, следовательно, ее мнение было мнением профессионала. В статьях критиков, ни разу на сцене не побывавших, куда меньше правды. А тут я с возрастающим изумлением обнаруживала, что Красовская подмечает все нюансы, которые я

Санкт-Петербургское издательство “ВЕСЬ” подготовило к печати три первых тома Собрания сочинений Веры Михайловны Красовской. Всего планируется издать 11 томов.

Одна из статей, посвященных исследователю, называлась “Подвиг Веры Красовской” (она была написана Елизаветой Суриц и опубликована в нью-йоркском журнале “Dance Chronicle” в 1998 году). Сама Вера Михайловна не любила пафоса, была женщиной ироничной, острой на язык, но масштаб сделанного ею для истории балетного театра, иначе как подвигом не назовешь.

Очень многие исследования в области театроведения, создававшиеся в советские времена, безнадежно устарели, груз принудительной идеологии сводил на нет усилия ученых, вот почему сегодня необходимо пересматривать заново, переписывать и переосмысливать факты и явления, подвергать сомнению научные концепции, заполнять лакуны. Не то с книгами Красовской. Исправлять, дополнять в них, по существу, нечего. Вера Михайловна представляла собой уникальный тип ученого, независимого от всякой “партийности”, догматизма, и поэтому так важно и актуально выпустить в свет ее собрание сочинений.

Первые тома посвящены истории западноевропейского балетного театра. “От истоков до середины XVIII века”, “Эпоха Новера”, “Преромантизм”, “Романтизм”. Последующие тома будут посвящены истории русского балета, монографии, статьи В.М.Красовской о спектаклях Большого и Мариинского театров.

“Тетралогия” о западноевропейском балете, названная Е.Суриц “трудом, подобного которому нет в мировом балетоведении” — писалась в конце 70-х. Первая книга вышла в 1979-м, вторая — в 1981-м, третья — в 1983 году. Все три — в издательстве “Искусство”. Четвертый, завершающий цикл, том — “Романтизм”, писавшийся в те же годы, что и предыдущие тома, вышел лишь через 13 лет, в 1996 году в издательстве “АРТ” (“Артист. Режиссер. Театр”). Неизменным редактором тетралогии оставалась С.В.Дружинина, художником — Э.Д.Кузнецов. Тринадцатилетний промежуток был связан с обстоятельствами времени, в период перестройки многие государственные издательства оказались на грани краха. Уже после выхода книги в свет, преподаватель Российской Академии балета имени А.Я.Вагановой, критик Н.Н.Зозулина писала об истории этого издания: “Готовая рукопись явилась, увы, одной из жертв свободы, принесенной перестройкой. Лишившиеся государственной опеки (читай: дотаций) издательства — “Искусство” в том числе — мгновенно лишились и средств... Но возможно ли было примириться с отсутствием “Романтизма” в уникальной серии? Не дочитать главного, остановиться в тот момент, когда западный балетный театр как раз приблизился к своему вершинному развитию, к своему “акме” — “Сильфиде” и “Жизели”? Когда-нибудь стоило бы рассказать эпопею (по-своему тоже истинно романтическую) разыскивания денег на публикацию заключительного тома. В конце концов они нашлись. И книга вышла.

Открывая еще пахнущий типографской краской том, сразу видишь авторское посвящение: “Наталья Макарова — великой романтической танцовщице нашего времени...”. Да, это ей, балерине-соотечественнице, в который раз помогающей нашей бедствующей культуре, Красовская и мы обязаны выходом “Романтизма”.

Б.А.Львов-Анохин говорил о книгах Веры Михайловны, что каждая из них — настоящее событие в культурной жизни. Как всегда у В.Красовской, научная обстоятельность исследования сочетается с живостью, изяществом, даже юмором изложения.

Редактор-составитель Собрания сочинений В.М.Красовской — Давид Иосифович Золотницкий, замечательный ученый, верный друг, муж Веры Михайловны, взявший на себя историческую миссию — сделать все, чтобы труды Красовской увидели свет. Он не только редактор издания, но и автор комментариев. Он же написал подробное предисловие к одиннадцатитомнику. Второе предисловие принадлежит перу балерины Натальи МАКАРОВОЙ. “ЭС” печатает его с небольшими сокращениями.

старалась найти, внести в свои роли, но которые для многих оставались невидимыми или непонятными. Она же, как никто другой, чувствовала мою индивидуальность и формулировала в словах то, к чему я стремилась в своем танце интуитивно, неосознанно. Мне всегда хотелось сделать все по-своему; притираться, приспособляться к партиям с чужого плеча я не любила. Но лишь Вера Михайловна понимала, как я нуждаюсь в новых, созданных на меня, ролях. Она со всем энтузиазмом поддер-

жала первое же мое превращение из классической балерины в современную — в балете Л.В.Якобсона “Клоп”, где я станцевала юную, легкомысленную и горемычную Зюю Березкину. И ждала затем в статьях, что продолжения долго не последовало.

Мне нравилось отсутствие в ней всякого ретроградства. Ее не смущали мои “вольности” в классических балетах. В ней самой было остро развито чувство современности, и если я и привлекла Веру Михайловну в своих классических

ролях, то, верно, стремлением стряхнуть с них “нафталин” и добиться в них естественного самочувствия. И тут Красовская оказалась моей единомышленницей.

Красовская импонировала мне и по-человечески, и я счастлива, что судьба свела меня с ней в тесном знакомстве. Кажется, она тоже симпатизировала мне — не только как танцовщице. По крайней мере, при всей моей непредсказуемости Вера Михайловна умудрялась со мной ладить. Мне легко было с ней общаться, не за-

мечая возрастной (и не только возрастной) дистанции, общаться по-дружески. Не припомню, чтобы она хоть сколько-нибудь “носила со своим величием”, хотя все действительно знали ей цену и преклонялись перед ее ученостью. Но она никогда не держала себя высокомерно, а ее едкий и насмешливый язык сам быстро бы осек любого, прими он позу гения.

Мы часто виделись в шестидесятые годы, при разных обстоятельствах. Были летние месяцы в поселке Комарово на Карельском перешейке. Я отдыхала там в театральном доме творчества и чуть не каждый день бегала к ней после обеда в дом творчества писателей (до обеда она всегда работала). Отправлялись на прогулку и болтали без умолку. Бывала я у нее и в городской квартире на углу Садовой улицы и Невского и принимала ее ответные визиты в своей квартире возле театра. Встречи с ней собирали немало друзей, беседы лились бесконечно, обо всем... Затем в нашем устном общении наступил вынужденный долгий перерыв. Но моя связь с Красовской не прервалась, приобретая иные формы.

Здесь, за границей, я не пропустила ни одной из книг Веры Михайловны, выходящих в Ленинграде уже в мое отсутствие, перечитывала известные мне прежде. И здесь они стали для меня действительно настольными — жизненной и творческой необходимостью. Разлука или что другое заставило меня схватиться за ее тексты и углубиться в них, как никогда ранее, не знаю. Но что бы я ни танцевала, что бы я ни ставила, я заглядывала в ее литературу и через нее общалась с Верой Михайловной, “подпитывалась” ее словом. Чего стоит только одна ее маленькая книга “Статьи о балете!” — из нее можно черпать бесконечно, столько подталкивающих к размышлению идей. И вот настал момент, когда я смогла, уже не думая, как прежде, о последствиях, набрать ленинградский телефон Красовской и услышать ее голос. А потом произошло наше новое свидание после моего восемнадцатилетнего отсутствия в Ленинграде.

Какое счастье было снова иметь возможность с ней общаться! Параллельно с танцевальной карьерой я уже начинала пробовать себя в постановочной работе. И с кем еще, кроме Веры Михайловны, я могла бы обсудить свои редакции классических балетов так досконально и профессионально? Я звонила ей перед постановкой “Лебединого озера”, и мы долго говорили про финал, склоняясь к трагическому завершению балета. Затем наступила очередь “Жизели”. Мне важно было именно ей рассказать о своих задумках, выношенных и выстраданных решениях. Когда-то Вера Михайловна подробно писала о моем первом выступлении в “Жизели”, которое вызвало много критики. Заметив спорные моменты, она одна уловила и написала главное: поиск в “Жизели”, поиск своей Жизели для меня важнее “сделанности”, законченности роли. Красовская мне словно обещала: “Жизель” для меня будет как дорога, которая, сколько ни пройди, всегда вьется впереди. И опять будто в воду глядела. Перетанцевав балет, наверно, сотни раз, я так и не пришла к своей “последней и окончательной” “Жизели”. Она вновь маячит где-то впереди. И я — уже в качестве постановщика балета в разных театрах — продолжаю настойчиво идти по этой нескончаемой дороге, благодарная Вере Михайловне, что часть долгого пути она была моей верной попутчицей.

Здрав и свет